

ЧЕЛОВЕК. НАУКА. КУЛЬТУРА

УДК 1(091)

DOI: 10.26456/vtphilos/2024.3.005

ГДЕ НЕ КОНЧАЮТСЯ ЗВЕЗДЫ. СТЕЗЯ ЧЕЛОВЕЧНОСТИ

В.В. Ильин

ФГБОУ ВО «Московский государственный технический университет им. Н.Э. Баумана» (национальный исследовательский университет) (МГТУ им. Н.Э. Баумана) г. Калуга

На фоне демонстрации несостоятельности принятых глобальных стратегий жизнепроизводства под фирмой стабильного экономического роста, устойчивого развития показывается неадекватность питающей их (стратегии) западной рациональности. Непредвзятая оценка моделей человеческого прогресса, вырабатываемых в рамках современной политической философии, подводит к выводу об их гуманитарной частичности, а следовательно, бесперспективности. Рефлексия идеалов жизнепроизводственных процессов, вырабатываемых ресурсами общественно-экономической, общественно-политической, общественно-экологической формаций, подводит к выводу о необходимости упрочения нетрадиционной общественно-аксиологической формации с идеалом *homo aestimator*.

Ключевые слова: кризис современной жизни, ценностная консолидация человечества, упрочение *homo aestimator*.

Августин, позже Бернард К्लюнийский, Иннокентий III, разработавшие версию духовной антропологии, проповедовали презрение к миру (жизни посюсторонней), пробуждали надежду на не ничтожную сверхмирскую жизнь – потустороннюю.

Оставляя за рамкой тематизации солидность святоотеческих провозвестий, озабочимся смыслом противопоставления существования *in actu* бытию *in potentia*.

Выход из реалиса в кондициалис, из фактива в контрфактив, из актуатива в посессив обусловлен поиском чаемого. Говоря *in extracto* – идеального. Если вовсе не покидать почвы сермяжного бывания, возможно адресоваться (что проделывают наторелые отцы церкви) к мобилизующей молитве. Упованию. Что не ничтожно в нашей жизни? Благословенная, благостная самоочистительная надежда. На что? Животрепещущее всепросветляющее, всеокормляющее вожденное.

Совершенствуя себя как цель и как средство согласно потребному, человек изменяет мир, творимый в восторге преобразовательства. Как выводит Плавт, здесь мы попадаем в самую точку.

Интенцией перекрыть реальное выходом в намечаемое сверхреальное человек заявляет свою идеальную натуру в качестве существа символического, утверждающегося по будирующему вдохновляющему. На данном

© Ильин В.В., 2024

резоне в высокой метафизике сапиента толкуют тварью божьей – породой самопревозможательной – имперфектной, трансцендирующей. Такой и должна быть субстанция *genus humanum* – формой идеально-символической [12], самоутвердительно-сподвигательной. В двойкой семантике: созидания Я через превосхождение; созидания не-Я через превозможение. И тут, и там – преодоление, превозвышение – креативное вершение, произведение, порождение, основание. Аналогия Миротворителя великого с миротворителем малым прямая и полная. Сапиент – демиург актуального, но, в отличие от своего прародителя, не в непосредственном обличии *Deus id vult*, а в опосредованной личине *Deus lux mea est*, где роль света просветляющего играет не сотворяющая воля, а иницирующее воображение (см.: [19]).

Воображение – бледное, но мощное блистание без заката – *analogia entis*, за счет чего человек выполняет миссию бого-строителя, снимающего коллизию «идеал – действительность».

Тезис опротестовывает предположение Дирихле, будто природных объектов больше, чем воображительных (ментально возможных). Что может сравниться с магической силой творящего воображения?! Многогранная полипрофильная природа тут уступает. Взять хоть умственное порождение – число. Не имеется множества всех ординалов; имеется бесконечно много кардиналов. При том что шкала бесконечных кардиналов богаче шкалы конечных мощностей. В реальном мире – безусловность, в виртуальном – условность. Создатель наделил создание неиссякаемой энергией творить; как изумлялся Овидий, воистину исполнение превзошло материал!

Дарованной Создателем инициативной свободой создание пересиливает порядок вещей, перекрывает пороги (и пороки) объективно предзаложенного. Выходом из подчинения обстоятельствам, противостоянием слепоте развертывания событий в самосозидающем созидании достигается ли искомое, где вновь созданное хвалит творца? Обретается ли осанна в обмирщении символов превосходных, высших? [4]

Вопрошание подводит к вступлению на интригующую почву антропокосмодицеи (см.: [13]): в чем «архитектору малому» (Лейбниц) заручаться гарантиями? как выносить возлагаемый на себя груз ответственности в феерии духа порождающего?

Нащупывание ответа сопряжено с просмотром возможностей, приступая к которому, правильно отмежевываться от вариаций заведомо несостоятельных, ставящих на отсутствие чувства долга, отменяющих обязанность отвечать за свершаемое. Произволом – своеволием, самовластием, самочином, самодурством – педалью, импульсом в принятии решений политическую философию, натурально, не удивить; между тем в пределах выверенного десижонизма проектирование возможного уместно обезопасить от нарочитых вырожденных казусов разложения человечности в виде волюнтарной безответственности: когда человек не выносит ответственности, он отрекается от себя (см.: [8, с. 358]), становится заложником преступного

безразличия. За что по всем правовым нормам заслуживает осуждения: *do-lus eventualis*.

Основа справедливости – верность долгу, как напоминал Цицерон, гуманитарная стойкость в отстаивании принятых на себя человеческих обязательств. Дело в них. В первую голову – в организации опыта нового, созидании иного.

Трактат Иннокентия III «*De contemptu mundi*» антропологически эксплицитно провозглашал неприятие мира, политически имплицитно – любую ничем не стесненную его переработку (в качестве Папы Римского с 1198 г., к слову, фигурант выступал вдохновителем 4 Крестового похода, боролся со светской монаршей властью, подавлял альбигойцев и т. п.). Что и по первому, и по второму пункту вызвало возмущение гуманиста Манетти, отстаивавшего достоинство и превосходство полномочного жизнедеятеля.

Мыслительное оформление деятельности по воображению *in summa summagum* должно быть аксиологически безупречным – только тогда нас ожидают небеса.

В природе универсальным инструментом перебора вариаций является естественный отбор, выступающий способом нахождения оптимальных, эффективных видоопределений. В обществе подобным инструментом оказывается отнесение к ценностям, удостоверяющим гуманитарную перспективность виртуального (утопически-вообразительного) проектирования.

Вопреки линии Спинозы, полагавшего, будто ценности – модусы мышления, не имеют касательства к сущему (см.: [30, с. 399, 523]), символические ценности регулируют получение полагаемого сущего, где субстантивиремая предметность вторична, то есть производна от целеориентирующего ценностного мира (*Wertswelt*) – будирующего базиса конструирования предметности.

В природе *telos* – реальное интерполирование случающегося; в обществе *telos* – потенциальное экстраполирование могущего случиться. Принятие сказанного позволяет не согласиться с позициями Локка, учившего о конвенциональности ценностей, равно как Юма, разлучавшего сущее с должным.

Сущее – реальность, бытие наличное; должное – виртуальность, бытие вожденное. Отношения между ними уподобляются отношениям «порождающее – порождаемое». Пробегая генеалогию, порождающее – символическая инициация, порождаемое – деятельность объективация. Так как дух (воля) движет действие, из него проистекает бытие (не по контрастно зеркальной формуле Фомы); если умствование (*Sinnwelt*) не окормлять отнесением к ценностям (*Wertswelt*), поврежденные проекты будут расстраивать целеориентацию деятельности, инспирировать выпуск контагиозного, негодного сущего (подр. см.: [9]). Откуда, собственно, по Цицерону, Илиада бед, от коих, по молитве господней, *sed libera nos a malo* [5].

Итак, для человека мыслить «в ценностях» (см.: [31, с. 65]) – непреложное гуманитарное обязательство, изобретательно корректирующее человеческие самоосуществления. Не последнюю роль в данном процессе играет ранее упоминавшаяся утопия (ухрония) – футурологическое идеальное – вне хроногеометрической размерности – проектирование, невзирая на очевидные изъяны самостроения, духоподъемно целеориентирующее (включением высокого telos) на совершенное (которое, как выясняется обзором выполненных эскизов потребного, всегда несовершенно), предельно превосходящее.

Утопический воображительный образ полноты всех достоинств, высшей степени концентрации положительных качеств в праксиологической плоскости заводит рабочую машину последовательных приближений, разрешающих будирующую задачу претворения надежды с блоком вождельных свойств. Напрашивается уподобление математической и социально-политической деятельности, казалось бы, успешно применяющих однотипный метод последовательных приближений.

Эпистемические послы традукции несомненны: в математике используются принципы повторных постановок, простой итерации, сжимающих отображений; в политике (во взвешенной форме) – принципы оправданного кредитования (не как в современной Аргентине) устройственной техники, мелиористских чувствительно-обозримых улучшений; совпадения хода реформ с популяционными ожиданиями. И там, и здесь типологичные приемы, в математике снимающие вопросы сходимости последовательности рекуррентных соотношений, единственности решения операторных уравнений; в политике – вопросы выверенности социальных технологий, доверия населения модернизационным починам власти.

Онтологические же послы традукции сомнительны. Суть в том, что, в отличие от математики, где «позволительно ... все» (варьирование номологической базы в моделировании возможностей – интуиционистские, паранепротиворечивые, многозначные, диффузные и т. д. платформы), в политике, используя соображения ап. Павла, «Все ... позволительно, но не все полезно» [2]. Говоря односложно, в проектировании, конструировании мира не полезна порча человечности.

Онтология математики безучастна к гуманитарным измерениям реальности; онтология политики свита именно из таких участностей. В последнем случае, очевидно, речь идет о символических идеалиях – жизненных ценностях, репрезентантах Wertswelt.

Разговор о них в нашем контексте, вспоминая Вергилия, востребует и твердого сердца, и интеллектуальной отваги.

Скажем прямо: жизнь по ценностям – феномен, который и систематизатор человеческих проявлений Вебер помещал в раритетную нишу должностовательно-обязательного, спрягаемого с высоким нравственным самодостоинством. Поскольку в роли поведенческого регулятора такой модус

самоутверждения экзотичен, автор теории социального действия проводил его по части иступленной иррациональности.

Тогда не избежать головоломного *oculum raris*: может ли сапиент заявлять свою рациональную имперфектную сущность в качестве существа и действующего, и действующего ценностно выверенно? Имеет ли подобная диспозиция какое-то отношение к политике?

Печальный, но верный факт: политика как автономный отсек практически-духовного нераздельно и неслиянно с ценностной сферой (*Wertswelt*) не связана. Политика в разряде *politics* в апологии артикулирует интересы; политика в разряде *polisu* в технологии проводит их. Разобщение «интереса» и «ценности» выводит политику из-под ферулы ценностного контроля.

В абстрактной аксиологии «жизнь – приоритетная ценность»; в конкретной политике «жизнь – подчиненная ценность». В абстрактной аксиологии «война – несправедливое зло»; в конкретной политике «война – справедливое добро» (откуда: «Украина без украинцев»; «Израиль – без палестинцев»; «Прибалтика – без русских» и т. п.)

Тотальное освобождение политики от ценностной «обузы» провозглашал Макиавелли, непреходящее «изобретение» которого заключалось в трактовке политики как бесконтрольно-автономного сектора инициативных заявлений, неподвластных санации практическим гуманизмом [9, с. 156].

Здесь, правда, следует принять во внимание невозможность «исчерпывающего», «полноценно-форматного», «окончательного» аксиологического обоснования какой-либо деятельности. Фундаментализм в аксиологии столь же порочен, как фундаментализм в теологии (смыкающийся с экстремизмом, абсолютизмом, терроризмом), экономике (экономизм), науке (сциентизм), искусстве (эстетизм), праве (нормативный формализм) и т. д.

Против фундаментализма под видом сциентизма в этике в недавние времена небезуспешно выступал Поппер, аргументированно демонстрировавший невозможность выстраивания моралистики на «научной основе» (см.: [28, с. 295]), что, вообще говоря, вытекает из профессиональной оценки провального проекта Спинозы оформить «Этику» геометрическим (научным) методом.

Из недавних курьезов репрессивного макиавеллизма отметим абсолютизацию этизма Толстого А. Бродским, по которому литературный классик «завершил развитие этики как нормативной дисциплины» – доктрины, претендующей на раскрытие «несомненных» (! – *В.И.*) «оснований нравственности» [6, с. 124]. Не проблематизируя (почему Толстой, а не, скажем, Федоров, Рерихи?), заострим характерную особенность функционирования философии (в которую в качестве составляющей входит аксиология – доктринальная этика) как формы эпохального самосознания. Будучи радикально «бедной» системой знания, концептуализирующей ветвления лишь одной «субъект-объектной» темы, применительно к каждому культурно-ис-

торическому локалу, философия, выступая всеохватной рефлексией предельных оснований цивилизационной практики, подытоживает, систематизирует ее достижения, формирует миропонимание, обозначает, намечает векторы индивидуального и социального творчества, задает мироотношение (см.: [21]).

Столь уникальный тип деятельности, актуальный всегда, везде, аттестует и аксиологию – программно-этический, морально-нравственный рефлексивный тип деятельности, исключая в качестве самооценки августино-паскалевское *rem vidit, causam nescivit*. И после Толстого этическое развитие человечества не завершилось; и после него приуроченная к духу всякой эпохи обновляемая этика востребуется как ресурс духовного вовлечения, внушающая убеждение, как сделать нас лучше. Противное [21] – *mel in ore, verba lactis*).

Сызнова воспроизведем интригу. На каких путях учреждать ценностную консолидацию человечества? Внутри политики явочным образом в качестве специфических инструментов вводятся активаторы «институциональных кластеров» в контрастном диапазоне: *melting pot* – борьба с мигрантами; секуляризация – теизация; план – рынок; семья – жизнь соло; патриотизм – космополитизм; свобода – насилие; демократизм – авторитаризм; экуменизм – регионализм и т. д.

Беда указанных и подобных им приемов факультативной генерализации социальной эволюции – релятивность, локальность, не отвечающие масштабу решаемых проблем; глобальную политику в наше ответственное современное время недопустимо выстраивать фундированием частных, частичных схем.

Тем более – выпячиванием подкладок

– веровательных: проекты Международной христианской республики под эгидой Рима; Всемирной теократии (Соловьев); ИГИЛ (парциальная исламская государственность) и т. п. Необходимо закрепить в понимании: никакой (и самый «чистый») партикулярный символ веры не может быть нерепрессивно-недеспотическим образом введен в «вечное содержание» сообразующейся с ним «разумно безусловной формой» (см.: [27, с. 89]);

- партийных: эпопея интернационалов: I (Международное товарищество рабочих) 1864–1876; II (Международное объединение социалистических партий) 1869 – начало II Мировой войны; Бернского (правоцентристского) 1919–1923; Венского (2½ – Международное рабочее объединение социалистических партий) 1921–1923 (слился с Бернским интернационалом с оформлением Социалистического рабочего интернационала) 1923 – конец II Мировой войны; III (Коминтерн) 1919–1943; IV (троцкистского) с 1938 г.; Социалистического (преемник Социалистического рабочего интернационала) с 1951 г. Здесь также следует осознать: никакая партийная, по определению не всеобщая социально-политическая форма не способна выражать

интересов всей полноты населения в перманентно меняющейся, усложняющейся обстановке, востребующей пластичных инновационных методов деятельности;

- идеократических: набивший оскомину вселенский проект «спасения» мира русофильской прививкой. Романтизируемые, героизируемые штампы русской народности в гештальтах: средоточие «истины», «мудрости», «благодати», «духовности», «просветления» (Гоголь, Достоевский, С. Булгаков, Погодин, Полевой, Бердяев и др.) – способны ли аутентичной «соборной правдой» [1, с. 284] вдохновить планетарное зодчество? Как говорил Амвросий Медиоланский, *causa fidei*. К тяжелым вирулентным чертам нашей державной онтогенетики относятся (интегрируя доводы) а) этатизм национальной истории (см.: [23, с. 455]); б) неустроенность повседневности (*Lebenswelt*) (см.: [11]). В комбинации имплицитующие столь одиозные начала отечественного саморазвития, как деспотизм; диктат государственного, общинного порядка; групповое рабство; стесненность гражданской жизни; недоразвитость цивилизма (на что, кстати говоря, специально обращали внимание Надеждин, Кошелев, не упоминая более радикально настроенных публицистов, мыслителей). С беспредметной почвенной мифологией всечеловечности, склонности «ко всемирной отзывчивости и всепримирению» (Достоевский) (на фоне провозглашенного атлантизмом курса на истребление русских) надо заканчивать (см.: [12]). Живя не навешенным (как «землю в Гренаде крестьянам отдать»), а национальным призыванием – как обеспечить благосостояние собственного народа (по данным: в современной России 52 % мужчин не доживает до 65 лет, что объясняется низкой оплатой труда, плохим питанием, несовершенным медицинским обслуживанием). И, конечно, сторонясь архаичной местечковой риторики и софистического словоблудья;

- методологически панкритических: универсальный органон преодоления несообразий бытия наличного – тотальная критика самоосуществления человечества в косном фетишизируемом праксисе неудавшейся отчуждающей обреченной цивилизации (неомарксизм, фрейдомарксизм). Предмет неприятия – денатурализация – безумие вестерна, истребляющего природный остов общечеловеческого существования; деиндивидуализация – расчеловечивающий турбокапитализм с его агентом – авторитарной дегуманизированной личностью. С метафилософских позиций, минуя квалификацию собственно негативной, лишённой эвристики диалектики, не может быть принята пафосная база «мнимости» (неистинности) «целого», приоритетности «части» (догма – политически провоцирующая нигилизм, экстремизм, аморализм, терроризм, в полной мере продемонстрированный «новыми левыми»). Правильно подчеркнуть: негативная псевдодиалектическая духовность никогда не имела и не возьмёт никакой ответственной субъектности (характерно обоснование Маркузе новой социальной роли деклассированных слоев – люмпенов, пауперов, маргиналов, аллохтонов, лузе-

ров). Неприятие рационализирующего утилитаризма, дегуманизации, отчуждения понятно; понятен и соответственный антиконформистский запал; удручает отсутствие позитива: чем завершается критицизм? Рефлексией? Пропагандой бунта? Во имя чего – все?

Ни у отцов-основателей франкфуртской школы, ни у продолжателей их творческого дела «новых левых» (Бирнбаум, Боттомор, Миллс, Голднер и др.) ответа нет.

В общем плане справедлива сентенция: на одной критике (претящей общему духу диалектики, которая, будучи всегда теорией критической, развертывает-таки положительный макет преодолеваемых реалий) выполнить проект аффирмативной культуры (против чего восставал Маркузе, а ранее – под фирмой борьбы с «идентифицирующим мышлением» (будто бы гносеологии известно иное (см.: [14]) (Фромм)) попросту невозможно;

- рационализационных: проекты гарантийной отладки деятельности по бесхаотичным началам надежности, упорядоченности, предсказуемости, купирующим дисгармонию как природы (стихийность), так и общества (рисковость). Надлежащее совершенствование миропорядка вменяется рационализации – дискурсивной, логически и технически безупречной процедуре генерации планируемых результатов с максимальным предотвращением импульсивных, волонтарных, спонтанных приемов рукотворения действительности в полноте объективных и субъективных определений.

На такой диспозиции отрабатываются конкретные программы функциональной эффективизации общественных систем, поглощаемые более широкой социальной механизацией. Здесь – рационализирующий этатизм (Гегель); рационализирующий бюрократизм (Вебер); рационализирующий теизм (модификации религиозного фундаментализма); рационализирующий тоталитаризм (контингентуемый социум) и др.

Большой вопрос: обслуживают ли они (программы), тем более с позиций оптимальности, запросы молчаливого большинства, обывателя – рядового просточеловека? Обсуждается он (вопрос) в створе рефлексии неких проективных – сгущений – концентраций правил организации общественной жизни. Подобные сгущения – бесконечно удаленные выделенные контрарные (по эвристическому методу диалектической дихотомизации) точки – утопии Кампанеллы и Рабле. Одна напирает на «зависимость» (субординация, организация), другая – на «свободу» (координация, самоорганизация). По предписаниям одной складывается интерактивный контур тоталитарно-авторитарных, по предписаниям другой – либерально-демократических социальных организмов.

Что лучше? Постановка бесперспективна, бессмысленна. Современное большое ответственное общество жизнедействует на сочетании координации и субординации (в особенности общество ресурсно бедное – типа Японии, применяющее довольно жесткие инструменты макрохозяйственного планирования), директивы и вариабельного ее исполнения. Никакого

автоматизма, впрочем, как и анархии. Полная управляемость исключает творчество; полная раскрепощенность лишает ответственности.

«Конец» истории обусловлен не образом притягательных альтернатив прогресса, а ревностным их обмирщением;

- **блоковых:** создание воинственных группировок, нацеленных на гегемонию, подавление (объявленных и необъявленных) противников, геостратегических оппонентов, конкурентов, актуально-потенциальных инсургентов. Утрирование национальной, региональной корыстной прагматики в многополярном, мультикультурном, отстаивающем политико-социальное само достоинство мире своим дериватом имеет нагнетение напряженности – прямое, косвенное; открытое, скрытое умаление, конфликтогенное, конфронтационное соударение единиц человечности. Порочную сверхцель обслуживают приводы:

- **информационно-пропагандистские:** дискредитация, демонизация лидеров, народов, стран; в языке ненависти, беспочвенных ультиматумов создание образов врагов;

- **государственно-террористические:** ликвидация лиц (покушения на Ф. Кастро); дремучая этнофобия (холокост евреев, славян, цыган); политическое перепрограммирование («бархатные», «цветные», «бульдозерные» революции); непосредственное (Югославия, Ливия, Ирак и т. д.; подрыв «Северных потоков») и опосредованное (фланкирование поясами нестабильности, развертывание биологических лабораторий, использование марионеточных слепых таранов и т. п.) вторжение; деструктивное оппонирование по любой повестке (сведение «империи зла»);

- **военно-технические:** расширение зон присутственной ответственности (Северо-Атлантическая «оборонительная» организация, контролирующая АТР); размещение ударных вооружений на направлениях «ожидаемой» атаки; создание превентивно сдерживающих осей (АУКУС);

- **торгово-промышленные:** противоестественные эмбарго; надуманное санкционное, деловое давление; нарочитое разрушение кооперативных цепочек национального, регионального, глобального сотрудничества; избирательное применение правил торгового обмена;

- **кредитно-денежные:** наложение вето на ссудные, расчетно-кассовые, платежные операции; перерождение доллара из мировой валюты в орудие внешнеполитического и экономического закабаления; замораживание, изъятие активов;

- **культурно-символические:** инспирация коллизионного образа двуцветной реальности; отмена полноценности недружественных культур («запрет» русской культуры); денонсация рабочего диалога, интерактивной перезагрузки контактных отношений.

Блоковая конфигурация мира во вполне внятном планетарном смысле – опасна, бесперспективна. Дискретизация социетальной структуры по контурам «Запад» – «Россия», обуславливающая хроногеометрическое

схлопывание отсеков единого человечества, не терпима в принципе. Ни экзистенциальное, ни социальное поведение оплота вселенского Ratio не может управляться безрассудным аппаратом chaos studies;

- сепарационных: известная истории атомизация районов, областей, земель. Налаживанием радикального державного огораживания занимались римляне – стена Адриана (система засек, укреплений, оборонных полос, валов по границам империи от опустошающих набегов сопредельных племен); финны – линия Маннергейма (1927–1939) на Карельском перешейке по границе с Россией; французы – линия Мажино (1929–1934) от Бельфора до Лонгюйона по границе с Германией.

Роль заградительных брустверов, люнетов, оборудованных лимесов сводилась на нет и в далекие, и в близкие нам времена: варвары в итоге покорили Рим; линия Маннергейма разрушена; линия Мажино обойдена с тыла, гарнизон пленен; тем более она обесценивается в условиях современности, учитывая поражающую мощь, разрушительную силу наступательного арсенала авиации, артиллерии, тактического ядерного оружия.

Наблюдаемое ныне геостратегическое межевание преследует не фортификационную, а цивилизационную цель, а именно – изоляцию государств-изгоев, в число которых в зависимости от конъюнктуры попадает то Куба, то КНДР, то Иран, то Россия, то Белоруссия, то... Сейчас мы оказываемся свидетелями возведения беспрецедентного кордона на рубеже Союзного государства – по границам с Польшей, Балтией.

Трезвое восприятие реалий – сплоченный Запад (ЕС + США – атлантизм) осуществляет блокаду России, разумея нарушением державных контактов с миром истощить ее потенциал, принудить к капитуляции. На последнее льет воду и тревожная тенденция превратить ЕС в «оборонительный» союз: фактически противостояние России обеспечивается двумя агрессивными организациями – расширяющейся трансатлантической и субконтинентальной. По всем мыслимым и немыслимым меркам – откровенный перебор. Во всем.

Во-первых, Россию – 1/8 планетарной суши – невозможно изолировать.

Во-вторых, торгово-промышленная, коммуникационно-транспортная, энергетическая, гуманитарная и т. д. блокада принесла больший ущерб индуктору, нежели реципиенту (экономические потери ЕС от эмбарго только на российский газ составили около 1 трлн евро);

В-третьих, как, обобщая собственный богатый военно-государственный опыт, назидали Бисмарк, Монтгомери, с Россией воевать заповедно. Никто в мировой истории Россию не сломил, не победил и никогда не победит и не сломит.

Если на базе репрезентативной индукции все-таки делать серьезные выводы, отказавшись от развязывания холодных и тем более горячих войн (при наличии тактических ядерных систем) в стремлении цивилизационно

обанкротить Россию, на паритетной основе следует наладить с ней уважительный диалог, призванный восстановить исключительное взаимодоверие. Непримируемая конкуренция дестабилизирует, разрушает возможность социально-исторического прогресса; трудно локализуемые очаги вооруженного противостояния в Европе (Украина), на Ближнем Востоке создают опасность неконтролируемой эскалации антагонизмов, способных при самом худшем развитии событий обнулить гуманитарные устои цивилизации, перерасти в глобальную кровавую бойню.

Наша эпоха, однако, не может быть *finis mundi*, эпохой постдиалога, постправды, постчеловечности, постродовых ценностей. Здравый смысл, историческая мудрость должны восторжествовать; заветный выход из тупика должен быть найден;

- концепционных: предыдущая рубрика подвела к естественному обострению: нужен выход, но – на каких путях? Нащупывание ответа детерминируется уяснением деонтологического призвания единиц человечности положительно пролонгировать родовую перспективу, трансфинитно вершить историю мира.

Вынося за скобки реликтовые эскизы креативных человеческих действий типа «героев и толпы», «просвещенного диктатора, авангарда, который лучше всех знает», оценим ресурс стандартных социетальных типологизаций, сводящих нелинейные воплощения жизнеподдерживающих, жизнепорождающих процессов к линейным их представлениям. Невозможно обойти стороной макеты общественно-экономической (а), общественно-политической (b), общественно-экологической (с) формаций.

Общим в выстраивании (а)–(с) оказывается сам по себе не порочный технически стандартный прием концептуализации признаково богатых явлений – исследовательского редукционизма, использующий абстракцию отождествления. Принимаются во внимание только существенные показатели объектообразования, по каким в многообразии фактического учреждается мысленное единство. В прямой реализации данного приема автономизируются факторы – для (а) способ производства материальных благ, b) способ властного курирования интеракции, с) способ поддержания равновесия со средой обитания.

Не умаляя доктринальных достоинств, в общем, респектабельных конструкций (вне оголтелостей идеологизаций), подчеркнем их частичность, проявляющуюся в разворачивании социально-философских сценографий *homo*: в эпизоде (а) – *homo economicus*, (b) – *homo politicus*, (с) – *homo ecologicus*. Верно, данные и прочие – содержательно однопорядковые версификации объективации многомерного *homo* важны. Но для обслуживания запросов холистской философии современного человека, человека в современности недостаточны. Тонкость заключается в моментах и концептуальных, и методологических.

О первых. Эмпирическим базисом (а)–(с) выступает пускай существенная, но одна из существенных частей целого, имплицитная трактовка *totum pro parte*. С семантической точки зрения мы сталкиваемся с синекдохой, эвристически сбивающей фокус (подр. см.: [16; 18]), где должное выглядит целым – жизневоспроизводство (вся полнота социально значимых отношений) – выставляется отдельной стороной, частью общественно-исторического развития. Откуда – ожидаемые изъяны доктрины, причем капитальные:

(а) – причины цивилизационного банкротства турбокапитализма – не недопустимая эксплуатация пролетариата (при социализме, как оказалось, она зашкаливала), чреватая революционной встряской вследствие относительного и абсолютного обнищания (Маркс не застал оформления социального, культурного государства с отлаженной патронажной повесткой), а нетерпимая эксплуатация капиталистическим ядром некапиталистической периферии. Мировой капитализм нуждается в мировом некапитализме как поставщике дармовых благ.

Идейно следуя в кильватере марксизма, правомерно допускать поэтому специфическую архитектуру современного глобального мира с поляризацией на атлантистскую и неатлантистскую формации, представляющие собой причудливый симбиоз противоборствующих актантов: ядро – симбионт-паразит, благоволящий идентитету периферии – симбионту-донору. Поскольку такого рода мутуализм противоестествен: хищничество – скверный фундамент взаимодействия, крах капитализма связан с крахом атлантизма – его антигуманитарных начал, ставных ценностей: индивидуализма, нигилизма, гегемонизма, консюмеризма, интервенционизма, империализма [13; 22]. Архимедов рычаг – установление ценностной целесообразности;

(b) – политическое публичное начало не синонимично началу властно-государственному; политика как деятельность не совпадает с деятельностью институционально регулирующей, административно понуждающей. Субъект политических отношений не репрессирующая державная агломерация, а инициативная народная ассоциация – заинтересованно действующая публика, полномочно заявляющая, оформляющая, преследующая свои интересы. Запросы власти и народа часто не согласуются (современная Украина), руко-водительство и вольно-определятельство лишены тождества. Последнее до обидного опрометчиво игнорировали Вебер (в теории), Ленин (на практике), универсализировавшие момент властно-государственного призора в качестве политико-управленческого призвания [7, с. 644; 26]. Откуда в мысли и опыте – одиозная властно-государственная абсолютизация и тотализация фигур деятельностного обмена: власть, государство, государственная власть, властвующее государство вмешиваются во все. Трудно возражать Шмитту: области, прежде «нейтральные» (точнее, вся полнота интеракции – религия, культура, образование, хозяйство, досуг, спорт и т. д.) утрачивают «нейтральность», становятся огосударвленными

(см.: [34, с. 292]). Одно не техническое, ценностное смещение – гиперболизация властно-государственной институционализации – и клубок несообразий: жизнь превращается в этатистско-тоталитаристский кошмар.

Между тем подлинное призвание политики – отладка не только властно-государственных, но широких народных устоев достойного общежития, крепящихся на взаимности, справедливости, согласованности, солидарности. Не насилие, а доверие; человек человеку – не волк (Плавт), а соратник. Именно на таких программных ценностных установлениях выстраивался общественный (не властно-государственный!) порядок во внеэтатистском беспринудительном политическом опыте народоорганизации, который аттестует тоухидные, общинные, коммунальные, земские починны налаживания сообщественности. Центрируется внутреннее согласие, символическая конституциализация, правнеоформируемое союзничество «по совести» в качестве базы взаимоподдерживающего единства. С одной стороны, утопическая парадигма – идеализм (которым, правда, вдохновлялись Герцен, Маркс), с другой стороны – здравомысленная парадигма: реализм, материализующий уже не традиционные «соборные», а инновационные «сетевые», «цифровые» связи.

Проецируя обсуждаемое на современный контекст, в качестве перспективных примеров негосударственных политических форм самоуправления вольнонародной ассоциации приведем «сохранившуюся ... на архипелаге Чилоэ (Чили) практику Минга (совместный труд жителей общины в качестве помощи тому, кто в ней нуждается...)» (ср.: опыт отечественной сельской общины, равно как опыт толстовских, добролюбовских коммун. – *В.И.*) ... традицию обмена семенами между домохозяйствами в Африке и борьбу против навязывания западными компаниями (! – *В.И.*) требований по использованию исключительно сертифицированных (? – *В.И.*) (т. е. произведенных этими компаниями) семян ... экодережни (экоальдеа) в Мексике (ср.: опыт ауровилей – *В.И.*), где под рентабельностью понимается не прибыль в денежном выражении (! – *В.И.*), а чистая выгода для сообщества как целостной системы ... расширение ... экономики совместного использования и подписок в США, разрушающее основу капитализма и теории свободного рынка – собственности, во всех сферах жизни (! – *В.И.*)» – систему «базового дохода circles в местных сообществах в Германии», созданной «на базе Ethereum», в основе которой доверие между общинниками, «готовыми обменивать свою виртуальную валюту на продукты и услуги соседей...» [24, с. 157].

Резюмируя, прямо спросим: что же на фоне перспективного опыта мешает выправлению обстановки к лучшему? Препятствует атлантистский западоцентризм, консервирующий проводящую сепаратные интересы национально-государственную котерию;

с) – используя стилистически богатый, насыщенный тропами язык Горация, допустимо высказать: человечество идет по огню, прикрытому обманчивым пеплом. Огонь – катастрофическая деградация среды обитания; прикрываемый пепел – потуги паллиативного огнетушения.

Достоинство экофилософии (экосоциологии) (инвайроментализм – Парк, Леопольд, Каттон, Данлап, Данкан, Шноре и др.) – акцентуация злободневной сюжетики, артикуляция идеально-утопических проектов. В характеристику значимого, признанного направления мы не случайно вводим указанные атрибуты, подчеркивающие его сугубо идеоцентричный статус. Действительно.

С позиций неких абстрактных выкладок обоснованно исходить из необходимости адаптации групповой активности к окружающей среде. На этой предпосылке формируют тетрадный образ РОЕТ – унитарно действующей популяции (Р), социальной организации (О), среды (Е), технологии (Т). Образ ситуативно выверенный, но не дальнеперспективный: с данной стадии концептуального моделирования, собственно, эвристический запал иссякает. Вопрос «Как фактически себя проявляет социоконтекст?» безответен.

Стратегически просматриваются два мегатренда:

- расширение геобиоресурсной базы: экспансия в околоземное космическое пространство и более удаленные участки Вселенной (STAR TREK – «Путь к звездам»);

- сбережение геобиоресурсной базы: ограничение потребления (Big Government – «Большое Правительство»; «Экотопия») (см.: [25, с. 277–286]).

Первый, намечаемый космизмом, проходит по части дезидератов (см.: [15]). Второй, как ни странно, не дееспособен. Виной тому конфликтогенно-блоковая, национально-государственная структура мира, использующая все инструменты локального, парциального решения своих (эгоистических) проблем за счет других. Разумеются: торговля квотами на выбросы вредных веществ, «добыча полезных ископаемых ... опасными способами» [24]; вооруженное давление, медленное и быстрое насилие, истребление планетарных богатств (бразильская сельва), транспортировка отходов (вплоть до курьезных посылок на воздушных шарах мусорных баков из Северной в Южную Корею) и т. д.

Экофилософия, следовательно, – своеобразный парод: древнегреческая вступительная песнь хора, за которой – отсутствие основной партии.

В экофилософском дискурсе масса лакун, недосказанностей. Скажем, можно спроектировать «умный дом», «умную улицу», «умный город». А дальше? Дальше – государство-нация, живущая не планетарным, а национальным интересом. Дело заходит в тупик эгоцентричного ступора. Ступора рассогласованности цели и средств. Цель – «человечество в среде оби-

тания); средство – «благополучие части человечества за счет среды обитания». Отмеченное прямо верифицируется планами экономического роста (ЭР), устойчивого развития (УР) для ... избранных.

Мы неоднократно подвергали сомнению [10; 20] существо идеологии ЭР, УР. В данном месте, опираясь на результаты Хикеля, Каллиса, озабочимся: если противодействовать изменению климата, ограничивая повышение температуры воздуха 2 °С, то производство мирового ВВП требуется стабилизировать на уровне 0,45 % годового роста (см.: [35, р. 480]). Но тогда вообще о чем речь?

А речь – о допустимости ЭР, УР для вестерна. Без какой-то наносной идеологизации, пропаганды попытаемся непредвзято осмыслить: как следует из доклада ЮНЕП 2019 г. «Шестая глобальная экологическая перспектива», «экологическая ситуация в мире ухудшается... времени на решения и действия остается все меньше. Из 90 пунктов разнообразных планов по борьбе с изменениями климата достичь удалось... четырех» [33], равно как «не удалось решить проблемы бедности ... социального расслоения, которые еще больше усугубились в результате кризиса, вызванного пандемией COVID-19»; притом что «расслоение усиливается и внутри государств и между государствами и регионами мира» [24, с. 152].

Напрашивается «финалистская» постановка, проясняющая корневые причины неэффективности принимаемых мер. Указывая на них (причины), стоит актуализировать все те же западоцентристские диспозиции ЭР, УР, обслуживающие атлантистскую сценографию неравноправного однополюсного планетарного устройства (мирового порядка – МП). По крупному счету крах экофилософии как индуктора праксиса, типа интеллектуального дискурса в глобальном смысле предрешен неадекватностью западной рациональности, усиливающей деконструкцию межчеловеческого общения, утрирующей общественные антагонизмы, влекущей диспропорции, дисфункции, дисбалансы мирового развития.

Правомочный эгалитаризм, биотизм невозможно реализовать в пределах неолиберальной конфликтно-рыночной модели вестернизма, все более размывающей интернациональное существо глобализации, инспирирующей антиглобализм локализмом своей грабительской сущности, подчиненной служению пресловутой мамоне, ее современному репрезентанту – одиозному Mad Max.

О вторых. Эвристический потенциал концептуальных кондиций ОЭФ, ОПФ, ОЭкФ страдает частичностью, обусловленной

- односторонностью базового образа человека трудящегося, властвующего, природопотребляющего;

- отсутствием прямого механизма (включая негодный рычаг мировой революции марксизма-ленинизма) преодоления западоцентризма – непотребной гегемонистской линии вестерна вершить судьбы мира скорыми приемами «режь, бей, жги» (Сенека);

- практикуемым уходом от ответственности – от политики двойных стандартов центров принятия решений до торговли правами, полномочиями (по типу *acta lapsus Исава*, продавшего Иакову право первородства за чечевичную похлебку).

Перейдем к лучшей стороне дела.

Космологически уникальность антропной разумно организованной социальности проблематична. Аксиологически уникальность ее в нашем вселенском локале аподиктична. Современное самосознание эпохи, наличная глобальная философия буквально выстрадала идеологию человеческого универсализма. Однако ему не отвечает внутренний пафос ни одной из известных периодизаций (и по необходимости – финализаций) макроисторического процесса: ни одна из моделей скачка из нечеловеческой предыстории в человеческую историю не выглядит вдохновительно. Причина ясна: все они так или иначе – через собственность, власть, их отсутствие – манифестируют материальное обилие, геобионеобеспеченное довольство; тем самым, по Шелеру, выступают формами стяжательской «этики благ», модификациями потребительских «целей» (см.: [32, с. 261]). И, как таковые, требуют денонсации.

По целям, решая вопросы персональной реализации, живет *homo partialis*. Но больше так жить невозможно: мир подошел к черте материального самоисчерпания, в силу чего этика благ обязана заместиться этикой ответственности, этикой духовного саморазвития. Материальная деонтология обязана скомпенсироваться деонтологией гуманитарной; *homo particularis* обязан превратиться в *homo universalis*. Стать гражданином мира, утверждающимся не по частным целям, а по всеобщим ценностям.

В обстановке грозящей катастрофы ресурсного коллапса, когда мощности Геи (к 2050 г.) не обеспечат не то, что безбедное, а элементарное проживание, мы окажемся перед альтернативой: намеренное секвестирование земель – ценностная реновация.

Нам более не позволительно, подобно Ницше, жонглируя святынями, выводить их за черту человечности. Один из мимов Публия Сира точно фиксирует: наилучшее состязание – состязание в человечности, не по «ту сторону» представлений о добре и зле, а по «эту». Магистраль человечности – упрочение *homo aestimator*, самодействующего по родовой сакрости.

Расширяя Вебера, востребуется нетривиальная констелляция идей, смыслов, инициатив, окормляющая общественное сознание двойной прививкой

- глобализма: мир один, Земля одна, человечество едино;
- аксиологизма: развитие инклюзивно, грядущее унитарно.

В ином разе, по Вергилию, все труды – ничто.

Начала новой аксиологии открывают (по Данте) движение в жизнь новую. С новым просветленным агентом – *homo aestimator*, идущим

по звездному пути нетрадиционной общественно-аксиологической формации (ОАФ), в качестве путеводных вех использующей кардинальные тектонические повороты в созидаании тела мира: «сущее» становится сущим

- в онтологии – через «долженствующее» быть сущим (Спиноза) [30, с. 346–347];

- в гносеологии – через антропологический универсализм (см.: [17]);

- в антропологии – через гомофинальность [8, с. 247];

- в праксиологии – через превознесение родообремененного «Я» (см.: [29]).

Список литературы

1. Аксаков К.С. Полное собрание сочинений Константина Сергеевича Аксакова: в 3 т. М.: Унив. тип., 1889. Т. 2. Сочинения исторические. 599 с.
2. Библия. Русский синодальный перевод. 1 Кор. 10; 23. <https://only.bible/bible/rst78/1co-10.23/> (дата обращения: 12.06.2024).
3. Библия. Русский синодальный перевод. Мих 7; 8. URL: <https://only.bible/bible/rst-jbl/mic-7.8/> (дата обращения: 12.06.2024).
4. Библия. Русский синодальный перевод. Мк 11; 10. <https://only.bible/bible/rst78/mrk-10.11/> (дата обращения: 12.06.2024).
5. Библия. Русский синодальный перевод. Мф 6; 13. <https://only.bible/bible/rst78/mat-6.13/> (дата обращения: 12.06.2024).
6. Бродский А.И. В поисках действенного этоса. Обоснование морали в русской этической мысли XIX века. СПб.: СПбГУ, 1999. 148 с.
7. Вебер М. Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990. 808 с.
8. Гартман Н. Этика. СПб.: Фонд университет: Владимир Даль, 2002. 707 с.
9. Ильин В.В. Аксиология. М.: Проспект, 2020. 190 с.
10. Ильин В.В. Метафилософия. Поэтика философии. М.: Проспект, 2021. 160 с.
11. Ильин В.В. Российская империя. Отжившее и живое. М.: Проспект, 2023. 383 с.
12. Ильин В.В. Россия в сообществе мировых цивилизаций. М.: КДУ, 2009. 198 с.
13. Ильин В.В. Там, где кончаются звезды. За рубежом человечности // Современные философские исследования. 2024. № 3.
14. Ильин В.В. Теория познания. Гносеология. М.: Проспект, 2018. 494 с.
15. Ильин В.В. Теория познания. Критика инструментального разума. *Spectiosa miracula*: тотальный мировейник. М.: Проспект, 2020. 160 с.
16. Ильин В.В. Теория познания. Симвология. Теория символических форм. М.: Изд-во Московского университета, 2013. 384 с.
17. Ильин В.В. Теория познания. Философия как оправдание абсолютов. В поисках *causa finalis*. М.: Проспект, 2016. 272 с.
18. Ильин В.В. Теория познания. Философская семантика. М.: Проспект, 2024. 192 с.
19. Ильин В.В. Теория познания. Эвристика. Креатология. М.: Проспект, 2018. 176 с.

20. Ильин В.В. *Философия кризиса. Человечество на пороге катастрофических перемен.* М.: Проспект, 2022. 104 с.
21. Ильин В.В. *Философия.* М.: Проспект, 2019. 400 с.
22. Ильин В.В., Охрименко А.В., Родин П.Н. *Мировой Запад: конец dolce vita // Российский гуманитарный журнал.* 2024. № 3.
23. Кавелин К.Д. *Сочинения в 4 частях.* М.: К. Солдатенков и Н. Щепкин, 1859. Ч. 2. 614 с.
24. Коданева С.И. *Межцивилизационный диалог как основа устойчивого развития // Век глобализации.* 2024. № 1. С. 149–159.
25. Констанца Р. *Четыре образа грядущего столетия: Путь к звездам, Эко-топия, Большое правительство или Безумный Макс? // Впереди XXI век: перспективы, прогнозы, футурологи. Антология современной классической прогностики. 1952–1999.* М.: Academia, 2000. 480 с.
26. Ленин В.И. *Полное собрание сочинений.* М.: Госполитиздат, 1969. Т. 33. 433 с.
27. Письма В.С. Соловьева: в 4 т. СПб.: Тип. т-ва «Общественная Польза», 1911. Т. 2. 375 с.
28. Поппер К. *Открытое общество и его враги.* М.: Феникс, 1992. Т. 1. 525 с.
29. Сенека Л. *Нравственные письма к Луцилию.* М.: НИЦ «Ладомир», 1977. 383 с.
30. Спиноза Б. *Сочинения: в 2 т.* М.: Государственное издательство политической литературы, 1957. Т. 1. 727 с.
31. Хайдеггер М. *Время и бытие.* М.: Республика, 1993. 445 с.
32. Шелер М. *Избранные произведения.* М.: Гнозис, 1994. 413 с.
33. *Шестая глобальная экологическая перспектива.* Б. м.: ЮНЕП, 2019.
34. Шмитт К. *Понятие политического // Антология мировой политической мысли: в 5 т.* М.: Мысль, 1997. Т. 2. С. 291–310.
35. Hicel J., Kallis G. *Green Growth Possible? // New Political Economy.* 2020. Vol. 25, № 4. P. 469–486.

WHERE THE STARS DON'T END. THE PATH OF HUMANITY

V.V. Ilyin

Bauman Moscow State Technical University, Kaluga

Against the background of demonstrating the inadequacy of the adopted global strategies of life reproduction under the firm of stable economic growth and sustainable development, the inadequacy of the Western rationality that feeds them (strategy) is shown. An unbiased assessment of the models of human progress developed within the framework of modern political philosophy leads to the conclusion of their humanitarian particularity, and therefore futility. The reflection of the ideals of life-reproducing processes generated by the resources of socio-economic, socio-political, socio-ecological formations leads to the conclusion that it is necessary to strengthen an unconventional socio-axiological formation with the ideal of homo aestimator.

Keywords: *crisis of modern life, value consolidation of mankind, consolidation of homo aestimator.*

Об авторе:

ИЛЬИН Виктор Васильевич – доктор философских наук, профессор кафедры общественных наук, ФГБОУ ВО «Московский государственный технический университет имени Н.Э. Баумана», Калужский филиал, г. Калуга. E-mail: vvilin@yandex.ru

Author Information:

ILYIN Viktor Vasilievich – PhD, Prof., Head of the Department of Social Sciences of the Moscow State Technical University named after N.E. Bauman (Kaluga branch), Kaluga. E-mail: vvilin@yandex.ru

Дата поступления рукописи в редакцию: 10.08.2024.

Дата принятия рукописи в печать: 10.09.2024.